

«ТЕМНАЯ СТОРОНА» ВЕЖЛИВОСТИ: ИСТОРИКО-ПРАГМАТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ НОМИНАЦИЙ ЕЕ СУБЪЕКТОВ В РУССКОЙ ЛИНГВОКУЛЬТУРЕ

В.В. Леонтьев

В статье в свете современных теорий лингвистической (не)вежливости анализируются культурные особенности способов номинации в русской лингвокультуре субъектов невежливых и грубых речевых и неречевых действий.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: вежливость, невежливость, грубость, лингвистическая (не)вежливость, эмоция, грубиян, хам, нахал

ЛЕОНТЬЕВ Виктор Владимирович – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры германской и романской филологии Волгоградского государственного университета. leontiev_vgu@mail.ru

Цитирование: Леонтьев В.В. «Темная сторона» вежливости: историко-прагматический анализ номинаций ее субъектов в русской лингвокультуре [Электронный ресурс] // Мир лингвистики и коммуникации: электронный научный журнал. – 2018, № 4. – С. 132–162. Режим доступа: www.tverlingua.ru

“THE DARK SIDE” OF POLITENESS: HISTORICO-PRAGMATIC ANALYSIS OF NOMINATIONS OF ITS SUBJECTS IN THE RUSSIAN LINGUA-CULTURE

Victor V. Leontyev

In the light of the contemporary theories of linguistic (im)politeness the article analyses the cultural peculiarities of the ways of nominating subjects of impolite and rude verbal and non-verbal actions in the Russian lingua-culture.

KEY WORDS: politeness, impoliteness, rudeness, linguistic (im)politeness, emotion, a rude fellow, a boor, an impudent fellow

LEONTYEV Victor V. – PhD in Philology, associate professor, associate professor of the chair of German and Roman philology of Volgograd State University. leontiev_vgu@mail.ru

Citation: Leontyev V.V. “The dark side” of politeness: historic-pragmatic analysis of nominations of its subjects in the Russian lingua-culture // World of linguistics and communication: electronic scientific journal. – 2018, № 4. – P. 132–162. Access mode: www.tverlingua.ru

1. Вместо введения: к вопросу культурной и контекстуальной специфичности лингвистической (не)вежливости.

Среди многочисленных направлений современной отечественной лингвистики почетное место по праву занимают труды В.И. Шаховского по лингвистике эмоций (Шаховский, 1987, 2007, 2008, 2009, 2012), посвященные глобальной проблеме соотношения языка и эмоций как психологического феномена, предшествующего когнитивным процессам и «сопровождающего» их. Автор добился огромных успехов на этом фронте науки, категоризовав эмоциональные состояния человека в языке и тексте и описав влияние эмоций на формирование у носителей языка эмоциональной картины окружающей их действительности. Кроме того, В.И. Шаховский создал парадигму лингвистических единиц, дифференцирующим признаком которых является эмоциональное значение, выявил и описал языковые способы трансляции коммуникантами друг другу с максимальной точностью своих эмоциональных состояний, детально охарактеризовал культурную специфику различных способов языкового выражения эмоций.

Научные исследования В.И. Шаховского позволяют глубже проникнуть в ощущаемые каждым из homo sapiens в повседневном общении, и шире, в своей ежедневной деятельности тайны эмоций как стержневого качества человека (Шаховский, 2012: 60) или как формы «оценки субъектом объекта мира» (Шаховский, 2007: 7).

В последние годы интересы ученого напрямую связаны с эмотивной лингвоэкологией как логическим следствием развития научной и практической деятельности человека: от экологии природы к экологии культуры, далее к экологии языка и речи. Так как язык человека представляет

собой составную часть природы и часть культуры (общества), то эколингвистическое исследование языка в его связи с эмоциями связано с обширным пластом лингвистических проблем: от культуры речи до валеологии (науки о сохранении здоровья человека) (Шаховский, 2012: 61). Язык важен как инструмент сохранения здоровья своих носителей при его правильном использовании. В таком случае язык сохраняется, а в ситуации неправильного пользования языком разрушаются и язык, и здоровье его носителя – человека (Шаховский, 2012: 62).

Прагмалингвистические и эколингвистические изыскания В.И. Шаховского часто связаны с описанием проявления в реальной коммуникации важного социоллингвистического феномена (не)вежливости.

Необходимо подчеркнуть, что в последние два десятилетия, т.е. после выхода в свет программной статьи Дж. Калпепера (Culpeper, 1996) исследования невежливого и грубого вербального и невербального поведения заняли важнейшее место в мировой прагматике и социоллингвистике. С этого момента лингвисты стали обращать пристальное внимание не только на проявление коммуникантами вежливости по отношению друг к другу, но и на коммуникативные действия, оцениваемые адресатами, третьими лицами или самими теоретиками-исследователями как невежливые и грубые. «Горизонты» исследований лингвистической вежливости были расширены благодаря их объединению с исследованиями лингвистической невежливости. Как итог, в повседневный оборот лингвистики XXI века вошел термин «linguistic (im)politeness» («лингвистическая (не)вежливость»).

Стала очевидна контекстуальная зависимость оценки адресатом, а не самим адресантом конкретного высказывания как вежливого или невежливого. Ученые осознали тот факт, что лингвистическая (не)вежливость проявляется исключительно во взаимодействии адресанта и адресата, т.е. ни одно высказывание не может считаться априори вежливым или невежливым. В ходе коммуникативного процесса адресант может быть

намеренно невежлив или груб, и адресат осознает это намерение адресанта. С другой стороны, возможны случаи, когда намерение адресанта нагрубить адресату не считается адресатом, или, наоборот, адресат приписывает адресанту не существующее у того намерение нанести урон социальному лицу адресата (Culpeper, 2005: 38-39).

Что же следует понимать под вежливостью?

В «Философском словаре on-line» дано весьма подробное определение данного социо-прагматического феномена:

«Вежливость - моральное качество, характеризующее поведение человека, для которого уважение к людям стало повседневной нормой поведения и привычным способом обращения с окружающими. Вежливость - элементарное требование культуры поведения; она включает: внимательность, внешнее проявление доброжелательности ко всем, готовность оказать услугу каждому, кто в этом нуждается, деликатность, такт. Противоположностью вежливости являются грубость, хамство, проявление высокомерия и пренебрежительного отношения к людям» (Access Mode: URL: http://gufo.me/content_fil/vezhlivost-16596.html).

В данной статье анализируются лексемы, называющие людей, чье коммуникативное поведение расценивается представителями русской лингвокультуры именно как невежливое и грубое.

Прежде чем непосредственно обратиться к историко-прагматическому анализу данных лексем, вкратце остановимся на понятии национальной культуры, т.е. всего того, что произведено человеком (Жельвис, 2011: 259).

В широком семиотическом смысле культура означает систему отношений, устанавливаемых между человеком и миром. Культура регламентирует поведение человек и определяет как ему надлежит действовать в тех или иных ситуациях, признаваемых потенциально возможными. Культура определяет способы моделирования человеком мира и самого себя (Успенский, 1994: 6-7).

Культура как система коллективной памяти и коллективного сознания представляет собой единую для данного коллектива ценностную структуру. Историю культуры следует рассматривать как динамику ее самосознания, объясняющую соответствующее изменение нормативных установок, т.е. предписаний и запретов (Лотман, Успенский, 1994: 219).

Для современной русской культуры характерна дуальная модель мышления, развившаяся на основе дуальных моделей средневековой русской культуры и русского православия в целом, с его «двуполосным ценностным полем, разделенном резкой чертой и лишенном нейтральной аксиологической зоны» (Лотман, Успенский, 1994: 220). В системе русского православия всегда отсутствовало (и отсутствует) понятие чистилища, очень важное для западных католических и протестантских стран. «В реальной жизни западного средневековья оказывается возможной широкая полоса нейтрального поведения, нейтральных общественных институтов, которые не являются ни “святыми”, ни “грешными”, ... ни плохими, ни хорошими» (Там же: 220–221). Системе русского средневековья было свойственно членение загробной жизни только на рай и ад, в которой не предусматривалось никакой промежуточной зоны и в земной жизни поведение могло быть либо грешным, либо святым (Там же: 220–221).

Указанные «святость» и «грешность» представителей средневековой русской культуры нашли свое отражение в четком противопоставлении грубости и вежливости в русской культуре на современном этапе ее развития: «кто не грубит, уже считается вежливым» (Ларина, 2003б: 137).

Коммуникативная категория вежливости управляет вербальным и невербальным поведением коммуникантов. В зависимости от экстралингвистических факторов эта категория допускает употребление одних лексем, запрещая употребление других лексем, вполне разрешимых языковыми нормами.

В различных коммуникативных ситуациях часто очень сложно дифференцировать вежливость и невежливость (грубость) как ее логический

антипод. Наибольшую трудность представляет правильное декодирование намерений (интенций) адресантов, хотя существует авторитетное мнение, что «можно реконструировать возможные интенции, принимая во внимание отвечающие требованиям факты» (Culpeper, Bousfield, Wichmann, 2003: 1552).

При анализе проявления в речи вежливости и невежливости/грубости нужно помнить про их культурную (национальную) специфичность. То, что считается вежливым в одной культуре, может оказаться невежливым и даже грубым в другой в силу существования определенных национальных стереотипов и стратегий поведения, складывавшихся на протяжении не одного десятилетия и даже столетия.

Необходимо помнить не только о национальной специфичности категории вежливости и невежливости/грубости, но и том, что представители разных социальных и возрастных групп внутри одной культуры по-разному трактуют эти категории (Жельвис, 2012: 100; Austin 1990: 277; Culpeper 2011: 394; Kádár, Naugh 2013:57; Terkourafi 2008: 57).

Например, речевое и неречевое поведение, оцениваемое как грубое профессорам вузов, может оцениваться как совершенно безобидное или «прикольное» их студентами. Высказывания, оцениваемые представителями интеллигенции исключительно как «грубые солёности (похабщина)» (касающиеся, например, внешности женщин), могут восприниматься как довольно высокая оценка природных данных представительниц слабого пола людьми иной социальной культуры, не обладающими достаточной коммуникативной компетенцией, чтобы сделать женщине классический комплимент. Необходимо постоянно помнить про диффузность, размытость границ вежливости / невежливости – грубости / не грубости (Леонтьев, 2014: 257-258).

Анализ вежливости на социальном уровне нельзя проводить, опираясь только на методику, разработанную для анализа вежливости в речевом/неречевом поведении двух коммуникантов, что наблюдается во

многих классических теориях вежливости (включая универсальную теорию вежливости П. Браун и С. Левинсона) (Mills, Kádár, 2011: 21-24).

Несмотря на более чем сорокалетнее детальное изучение социо-прагматического феномена лингвистической вежливости, не существует ее единого, общепризнанного определения. Рамки нашей статьи не предусматривают даже беглого обзора всех многочисленных определений вежливости в лингвистике. Учитывая вышеназванную национальную специфику данной коммуникативной категории, остановимся на определениях вежливости в отечественной лингвистике.

В терминах Т.В. Лариной, вежливость охватывает систему «ритуализованных стратегий коммуникативного поведения (языкового и неязыкового), направленных на гармоничное, бесконфликтное общение и соблюдение общественно-принятых норм при установлении, поддержании и завершении межличностного контакта» (Ларина, 2003а: 17). Вежливость ориентируется на достоинство человека, на то, чтобы не унижить и не оскорбить его (Гольдин, 2009: 31).

В терминах Е.А. Земской, вежливость - это имплицитная категория коммуникативно-прагматического характера, управляющая речевым поведением людей и диктующая им одно употребление, запрещая другое употребление, вполне разрешаемое языковыми нормами. Она близка не этикету, а этике: этикет одновременно и включен в вежливость как ее неотъемлемая часть, и ограничен от данной категории (Земская, 2005: 578-579). По сути дела, в данном определении подчеркивается вышеописанная контекстная (ситуативная) зависимость категории лингвистической вежливости.

Межличностная сущность лингвистической невежливости (грубости), определяемой как атака (нападение) адресанта на социальное лицо адресата, отражена в ее метафорическом названии «темная сторона вежливости (the dark side of politeness)». Данная метафора также подчеркивает ситуативную зависимость оценки того или иного выражения как (не)вежливого, т.к. атака

(нападение) на социальное лицо адресата часто подразумевает применение адресантом тех же принципов, которые предназначены для сохранения лица адресата (Austin, 1990: 277).

По сравнению с целью вежливого поведения цели невежливого поведения значительно сложнее. В терминах В.И. Карасика, к невежливому поведению относится стремление выйти на открытый конфликт и выяснить отношения с коммуникативным партнером на персональной дистанции или желание унижить партнера по общению и изменить статусное отношение на социальной дистанции. Также можно выделить бесцельное невежливое поведение, свидетельствующее о нервном срыве коммуниканта (Карасик, 1992: 83).

2. Анализ номинаций разных типов вежливости в русской культуре.

В справедливо критикуемой за чрезмерную пристрастность к англоцентризму и адресанто-центричности универсальной теории вежливости П. Браун и С. Левинсона различаются негативная вежливость (стратегии сохранения одним коммуникантом негативного лица своего партнера по коммуникации, т.е. его потребности в личной сфере, автономии, самостоятельности) и позитивная вежливость (стратегии сохранения одним коммуникантом позитивного лица своего партнера по коммуникации, т.е. его потребности в уважении, признании, одобрении, согласии, принадлежности к данной социальной группе) (Brown P., Levinson, 1987).

В свете данной теории русскую культуру следует отнести к культурам позитивной вежливости. В иных терминах русская культура относится к культурам вежливости сближения (Ларина, 2009: 308-323) или к культурам вежливости солидарности (Ратмайр, 2013: 144-147). Но ее нельзя отнести к культурам негативной вежливости в терминах П. Браун и С. Левинсона (к культурам вежливости дистанции (Ратмайр, 2013: 144-147) или к культурам дистанцирования (Ларина, 2009: 172-197), т.к. большинство русских коммуникантов стремится не только предоставить своим партнерам по коммуникации свободу выбора, т.е. сохранить их негативное лицо, но и

усилить их потребности в признании и в солидарности, т.е. сохранить их позитивное лицо.

Налицо специфика коллективизма представителей русской культуры, сплачивающего их в единое целое. Повседневное общение также может считаться очень важным для русских коммуникантов действием. Значимость повседневного общения в русской культуре проявляется в одном из ее важнейших коммуникативных сценариев: в несклонности к утилитарному отношению к общению и к подчинению его внешней цели, в недопустимости неискренности даже в поисках истины или решения проблем (Дементьев, 2013: 266).

Система вежливости русского народа, начавшаяся складываться в Петровскую эпоху, берет свое начало в принципах, изложенных в «Домострое» и в православном мировоззрении, сформировавшем в русском сознании истинно действенное внимание на основе принципов любви к ближнему, сочувствия, сострадания, взаимопомощи, не всегда характерное для прагматически ориентированного поведения западных людей (Кузьменкова, 2005: 7).

В силу соборности русских людей в их коммуникативном сознании отсутствует культурная ценность «автономия личности», характерная для коммуникативного сознания англичан и обозначаемая в английском языке лексемой «privacy». В коммуникативном сознании русских огромную роль играет специфический концепт «общение», фактически ставший коммуникативной категорией и культурной ценностью, определяющей «многие особенности коммуникативного поведения русских» (Ларина, 2003б: 138).

Но у коллективизма русских есть и обратная сторона: он «больше, нежели индивидуализм, содействует грубости: там, где общество испытывает к личности меньше уважения, где единица - вздор, единица - ноль (Маяковский), оскорбить личность значительно легче, последствия оскорбления будут менее значительны» (Жельвис, 2012: 107). Поэтому в

русском языке и русской культуре наблюдается сдвиг пропорции «вежливый вокабуляр»-«грубый вокабуляр» в пользу грубого вокабуляра, а в английском языке и английской культуре - сдвиг в пользу вежливого вокабуляра (Жельвис, 2011: 262).

К большому сожалению, приходится признать фактом нашей повседневной реальности, что в русском социуме мы все еще часто сталкиваемся с подобным, игнорирующим социальные лица адресатов грубым поведением адресантов, особенно в ситуациях статусного неравенства коммуникантов (начальник vs. подчиненный, педагог vs. студент (школьник) и т.д.).

Действенное (в понимании русских коммуникантов), а не условное внимание адресантов вежливых речевых актов к своим адресатам позволяет согласиться с мнением В.И. Жельвиса о том, что вежливость по-русски в широком смысле менее формальна, менее выразительна, менее многочисленна, но более искренна, чем вежливость по-английски (Жельвис, 2011: 262).

Для англичан, американцев и представителей многих западных культур вежливость означает важный социальный инструмент сохранения социальных лиц коммуникантов, объединяющий в себе различные «средства минимизации риска конфронтации между участниками дискурса, минимизации не только возможности возникновения подобной конфронтации в принципе, но и возможности интерпретации указанной конфронтации как несущей угрозу лицу (ликоущемляющей)» (Lakoff, 1989: 102).

По мысли Р. Ратмайр, в русской культуре гораздо больший вес, по сравнению с англо-американскими культурами имеют такие ценности, как взаимное доверие и близость, человеческая доброта и сердечность. Поэтому характерным проявлением открытости и близости друг к другу, свойственным почти всем более взрослым представителям русской культуры, воспитанным в эпоху Советского Союза, и ряду более молодых россиян,

воспитанных в эпоху Новой России, могут служить вокативы типа «земляк, брат, друг», применяемые в ситуациях общения с незнакомыми людьми, в ситуациях, в которых англо-американские и немецко-говорящие культуры обязательно требуют дистанцирования коммуникантов (Ратмайр, 2013: 147-148).

Понятия «невежливость» и «невежливый» в русской культуре связаны с несоблюдением в конкретной коммуникативной ситуации тем или иными лицами предписанных русской культурой, русским обществом в целом, или конкретным социальным сообществом («сообществом по интересам») общепризнанных правил поведения. Быть невежливым – означает не соблюсти (нарушить) правила вежливого поведения по отношению к другому лицу.

Проанализируем значение лексемы «вежливость» как основного номинанта лико-сохраняющей стратегии в русской культуре, а также значение однокоренного прилагательного «вежливый»:

Вежливость учтивость, обходительность, предупредительность. *Правила в. Изысканная в. Сделать что-либо из в.* (следуя правилам приличия, а не внутренним побуждениям). *Визит вежливости* (офиц.; посещение кого-л., чего-л. из приличия) (Кузнецов, 2000: 115).

Вежливый чуждый грубости, предупредительный, услужливый. *В. продавец. С коллегами подчеркнуто вежлив.* || Выражающий учтивость. *Исполненный учтивости. В. тон. В. обращение. В. ответ, отказ.* (Кузнецов, 2000: 115-116). →

Учтивость почтительная вежливость. *Сохранять учтивость в обращении. Отличаться учтивостью. Поклониться с учтивостью. Не возражать из учтивости. Изысканная, тонкая, холодная учтивость. Приглашен из учтивости* (Кузнецов, 2000: 1412). →

Учтивый почтительно-вежливый в обращении с людьми. *У. гость, преподаватель* || Выражающий почтительность, вежливость. *Учтивые слова. У. тон. Отблагодарить учтивым поклоном* (Кузнецов, 2000: 1412).

Также к синонимам лексемы «вежливый» в русском языке относятся лексемы «галантный», «любезный» и «церемонный», постепенно выходящие из обихода в силу значительных изменений в правилах вежливого поведения в русской культуре начала XXI века по сравнению с правилами начала XX века, когда эти языковые единицы были в широком обиходе:

Галантный 1. изысканно-вежливый, любезный. *Г. кавалер. Г. молодой человек.* || Свойственный такому человеку, выражающий изысканную вежливость, любезность. *Г. манеры. Отвесить г. поклон* (Кузнецов, 2000: 192).

Любезный 1. Обходительный, предупредительный, учтивый. *Л-е обращение. Л. хозяин. Он всегда л. с дамами* || Выражающий приветливость, учтивость. *Л. поклон. Л-е слова.* (Кузнецов, 2000: 509).

Церемонный 1. чрезвычайно строгий в соблюдении принятого этикета, порядка, приличия; чопорный. *Ц-ая дама. Ц-е гости. Ц-ая публика* 2. отвечающий требованиям этикета, строгому соблюдению правил. *Ц-ое обращение. Ц. поклон. Ц-я вежливость. Ц. прием* (Кузнецов, 2000: 1462).

Вежливость для представителей русской культуры означает почтительное обхождение с адресатом, учет его личности, и, что наиболее важно, его желаний и ожиданий, связанных с уважительным, деликатным и тактичным к нему отношением со стороны его собеседников. Вежливость по-русски проявляется как вербально, так и невербально.

К типичным вербальным стратегиям вежливости в русской культуре относятся приветствие и прощание, пожелание приятного аппетита и спокойной ночи, извинение и выражение благодарности, обращение на «Вы» или по имени-отчеству, если собеседники недостаточно хорошо знакомы или если они общаются в официальной обстановке, не предполагающей общение на «ты», а также отказ от использования в речи грубых слов.

Если вежливость предполагает соблюдение достаточно простых правил, обязательных к выполнению всеми членами социума, то учтивость связана с соблюдением более сложных правил светского этикета, принятых в

высшем обществе, включая употребление старомодных ритуализованных действий и устаревших формул вежливости.

Учтивость зиждется на статусном превосходстве адресата, поэтому адресант подчеркнуто уважительно обращается с ним. Учтивость характерна для ситуации, в которой адресант уважительно говорит адресату что-то не вполне приятное для него (например, выражает несогласие). Учтивость в обращении к другому человеку подразумевает светский лоск и утонченность манер субъекта столь вежливого действия. Можно быть учтивым как вербально, так и невербально, но далеко не все действия в межличностных отношениях подразумевают учтивость.

Галантность как вид вежливого поведения связана только с отношением мужчины к женщине, ассоциируясь с почтительным отношением к женщине (например, первым представлять мужчину в общении с ней, говорить комплименты). Любезность как вид вежливого поведения сближается с галантностью, указывая на готовность субъекта вежливости услужить объекту (адресату) вежливости или сделать ему приятное каким-то иным способом. Для любезного вежливого поведения важна не внешняя форма, а содержание самого действия (Крылова, 2003а: 79-81).

Церемонное и близкое к нему чопорное поведение почти никогда не приветствовалось и не приветствуется в русском социуме. Как церемонность, так и чопорность означают очень строгое соблюдение светского этикета с наполненной важностью, поэтому неестественной манерой вести себя по отношению к другим. Церемонность означает обязательно соблюдение субъектом подобной неестественной для вежливости дистанции между собой и другими, как если бы отношения между ними были более далекие, чем они есть на самом деле. Под чопорностью принято понимать вежливость в сочетании с официальностью и сухостью или холодностью (Крылова, 2003г: 1282).

Если сравнить значение русской лексемы «вежливый» со значением английской лексемы «polite», то может показаться, что представители двух совершенно разных культур на бытовом, ненаучном уровне почти одинаково определяют сущность этого сложного феномена:

Polite having or showing good manners and respect for the feelings of others (opposite: *impolite*) (воспитанный, проявляющий хорошие манеры и уважение к чувствам других людей) (Wehmeier, 2000: 976).

Проведем краткий анализ этимологических данных русского и английского языка для определения того, в чем заключается культурное отличие социо-прагматического феномена вежливости в русской культуре вежливости солидарности от английской культуры вежливости дистанции.

Национально-культурная специфика вежливости солидарности по-русски отражена в этимологии одноименной номинативной лексемы. Быть вежливым для русских исторически обозначает «быть сведущим, знающим, опытным, совестливым», т.к. этимологически русские лексемы «*вежливый, совесть, сознание*» восходят к единому корню «*въѣдѣти*» (знать) (Кузьменкова, 2005: 12). В подобном соединении смыслов кроется «синкретизм сознания средневекового русского человека, для которого мыслительная, морально-этническая и поведенческая стороны ... деятельности длительное время оставались нераздельными» (там же: 13).

Этимологическое родство лексем «знать», «ведать», «вежливость» подчеркивается данными этимологических словарей русского языка: лексема «вежливость» восходит к древне-русскому глаголу «*vèdja*» «ведать, знать» (Черных, 1999, т.1: 138; там же: 285). Первое упоминание лексемы «*въѣжливый*» в древнерусском языке приходится на начало XV века именно в значении «знающий, опытный», а значение «учтивый» появилось у лексемы не ранее XVI века. В словарях эта лексема зафиксирована чуть более 300 лет назад в 1704 году (Черных, 1999 т.1: 138) (вспомним мысль Ю.Б. Кузьменковой о зарождении русской системы вежливости в эпоху Петра I).

Таким образом, вежливость в русской культуре долгое время ассоциировалась с высоким уровнем образованности адресанта: вежлив тот, кто знает как себя социально правильно вести с адресатом, чтобы не оскорбить его, не нарушить его социальное лицо.

Со временем «границы» русской вежливости значительно изменились, особенно в эпоху пост-советской России. Это обусловлено различными социальными факторами, например, возможностью для россиян часто выезжать за рубеж России, и возможностью для иностранцев свободно въезжать в нашу страну для длительной работы в различных компаниях, что неизбежно привнесло в жизнь многих русских *communities of practice* (т.е. коллективах, занятых конкретным видом деятельности) инокультурные правила и конвенции межличностных отношений, не характерные для соборного русского социума. Но, одна важная черта русского народа, как мы полагаем, пока еще остается неизменной, а именно, вышеназванная действенная, а не дежурная (мнимая) минимизация социальной дистанции.

Если обратиться к концептуализации вежливости/грубости представителями британской культуры, то, согласно данным М. Теркурафи, английское прилагательное «*polite*» впервые зафиксировано в употреблении в 1398 г. в значении «*smoothed* (гладкий), *polished* (полированный)». Изначально в английской культуре Средних Веков эта лексема не обозначала никакие межличностные отношения. Переносное, ставшее впоследствии основным, прагматическое значение «*courteous*» (вежливый, учтивый, обходительный) лексема приобрела только спустя 350 лет, в 1751 году.

Лексема «*politeness*» вошла в обиход носителей английского языка в 1627 г. в переносном значении «*intellectual refinement* (тонкость, утонченность ума), *elegance* (элегантность, изящество, изысканность, утонченность), *taste* (вкус, понимание)». Прагматическое значение «*courtesy*» (вежливость, учтивость, любезность, обходительность) развилось у лексемы к 1655 году (Terkourafi, 2008: 61).

Итак, на основании анализа данных этимологических и историко-этимологических словарей русского языка мы делаем вывод, что сложное социо-прагматическое явление «вежливость» стало зарождаться в русском обществе около 300 лет назад благодаря государственным и социальным реформам Петра I.

3. Анализ номинаций субъектов грубости/невежливости в русской культуре.

Еще раз уточним, что невежливость в понимании представителей русской культуры в основном связана с нарушением обязательных, а значит, вполне ожидаемых (уместных) для данного коммуникативного контекста правил поведения.

Например, если при входе в аудиторию вузовский преподаватель, обязательно здоровающийся со студентами, по каким-то совершенно личным, никак не связанным со студентами и или их поведением, причинам не поздоровался с ними, то он не только нарушил общепризнанные правила речевого этикета, т.е. нормы речевого поведения, но и не подтвердил ожидания своих студентов. В данном случае поведение преподавателя следует рассматривать как невежливое, но не как грубое.

Необходимо отметить, что в современной прагматике при изучении лингвистической (не)вежливости все большее внимание уделяется ожиданиям адресатов.

Так, в монографии Д.З. Кадара и М. Хо «Understanding Politeness» выдвинута очень интересная мысль о необходимости разделять коммуникативные нормы и ожидания на три слоя: а) *индивидуальные*, б) *групповые*, в) *общекультурные* (Kádár, Haugh, 2013: 95). В основу подобного разделения положена идея М. Сильверстайна о том, что все ожидания (нормы) человеческого общения организованы в виде слоев (Silverstein 2003: 37).

Индивидуальные нормы (ожидания) представляют собой вероятностные конвенции для оценки социальных действий и значений,

сформированные на основе истории взаимодействия коммуникантов с другими людьми. Эти ожидания могут быть похожими для представителей близких социальных сетей, но, учитывая индивидуальность (уникальность) каждого коммуниканта, они никогда не будут одинаковыми для всех. Очевидно, что подобные личностные ожидания (нормы) связаны напрямую с понятием габитуса в терминах П. Бурдьё (Бурдьё, 2007: 32). Групповые ожидания - это ожидания и нормы в тех или иных *communities of practice* или социальных группах. Социальные ожидания (нормы) представляют собой нормы данной национальной культуры или данного общества (*societal/cultural*), к которым относятся конвенции общества для оценки социальных действия и значений (Kádár, Naugh, 2013: 95).

Адресат или третье лицо оценивает то или иное речевое (неречевое) действие адресанта как невежливое или даже грубое тогда, когда в его сознании наблюдается диссонанс между услышанным или увиденным им и его индивидуальными ожиданиями.

Иными словами, понимание вежливости, невежливости и грубости создается совместно обоими коммуникантами в случае диалога или большим числом коммуникантов в случае полилогического общения. Иными словами, все участники коммуникативного процесса могут влиять на траекторию социальных действий и на оценку вежливости, осуществляемую ими в ходе общения (Kádár, Naugh, 2013: 95).

Как это не покажется странным, но лингвисты долгое время практически полностью игнорировали исследование невежливых/грубых речевых действий. Основная причина подобного положения вещей в классических теориях лингвистической вежливости (P. Brown & S. Levinson, G. Leech, V. Fraser & W. Nolen и др.) кроется в их недостаточной концептуальной и дескриптивной «оснащенности» для анализа таких прагматически сложных ситуаций. Эти теории рассматривают невежливость или как прагматическую неудачу коммуникантов, обусловленную невыполнением ими ряда действий, или как неправильное, неуместное

коммуникативное поведение, не достойное внимания со стороны лингвистов или социологов (Eelen, 2014: 98-100).

Несмотря на значительный рост в последние два десятилетия количества публикаций по теме лингвистической невежливости (см. например: Леонтьев, 2012, 2013а, 2013б, 2014, 2016; Bayraktaroğlu, Sifianou, 2012; Bousfield, 2008; Culpeper, 1996, 2005, 2010, 2011; Culpeper, Bousfield, Wichmann, 2003; Dynel, 2012; Eelen, 2014; Haugh, Bousfield, 2012; Kádár, Haugh, 2013; Terkourafi, 2008) до сих пор не до конца ясно, что следует обозначать термином «невежливость» и как невежливость проявляется в коммуникативном поведении. Также важно до конца понять концептуальные культурно-специфичные отличия в проявлениях невежливости и грубости, особенно если учесть тот факт, что во многих языках оба данных вида некооперативного поведения обозначены одной и той же лексемой.

Если говорить о русской культуре, то сквозь призму стереотипных социальных ожиданий под понятие «невежливый человек» подпадает любой коммуникант, в принципе нарушающий правила вежливости, как, например, вышеописанный вузовский преподаватель, не поздоровавшийся со своей студенческой аудиторией:

Невежливый нарушающий правила вежливости, приличия; неучтивый. *Н. человек. Н. официант, продавец. Вы невежливы, сударь!* || Выражающий неучтивость. *Н-ое письмо. Н. ответ, отказ. Н-ая шутка* (Кузнецов, 2000: 613).

С другой стороны, если между вышеописанным вузовским преподавателем и его студентами есть договоренность никогда не здороваться в аудитории, а здороваться только при встречах в коридорах вуза, то тогда именно в данном *community of practice* несоблюдение этикетных норм не может считаться проявлением невежливости. В то же время, если в аудиторию зайдет кто-то, не относящийся именно к этому *community of practice*, и, соответственно, не знакомый с данной договоренностью между студентами и их преподавателем, то тогда он

неминуемо расценит как невежливое коммуникативное поведение как преподавателя, так и студентов.

Что лишний раз подтверждает идею о контекстуальной обусловленности абсолютно относительной категории (не)вежливости/грубости как социальной оценочной практики.

В русской культуре грубость (как вербальная, так и невербальная) означает явное нарушение коммуникантами (одним или несколькими сразу) принятых этических норм. Грубость проявляется в полном игнорировании социального лица того или иного коммуниканта, его (ее) личности в целом. Иными словами, субъект грубого высказывания или невербального действия, например, жеста в виде поднятого вверх среднего пальца руки, что никак нельзя отнести к разряду шуток (в силу общеизвестного понимания данного жеста как однозначно оскорбительного) полностью игнорирует присутствие своего собеседника, не обращая на него никакого внимания. Тем самым адресант грубости игнорирует потенциальную реакцию адресата, его ожидания и чувства.

Еще раз подчеркнем, что именно адресат дает оценку высказывания своего собеседника как грубого, показывая, что его ожидания от коммуникативного контакта со своим собеседником нарушены, и он испытывает отрицательные эмоции разочарования, обиды, гнева.

Для подтверждения сказанного обратимся к анализу словарных данных «Большого Толкового Словаря Современного Русского Языка» под редакцией С.Н. Кузнецова. В нем приводятся следующие дефиниции лексем «грубый», «грубость», «грубиян», «хам»:

грубый б. не соблюдающий этики человеческих или профессиональных отношений; невежливый, неделикатный, неучтивый. Г. продавец. Г-ая медсестра. Г. игрок (спорт.; нарушающий этику и правила игры). Груб в обращении с кем-л. Груб с друзьями, коллегами, домашними. Груб по отношению к окружающим, подчиненным. Вы слишком грубы! || Выражающий пренебрежение, неуважение к кому-л.; исполненный

неуточности, резкости. *Г. тон. Г-ое замечание. Г-ое обращение с родителями. Г-ая игра* (спорт.; с нарушением этики и правил) (Кузнецов, 2000: 230).

грубость 2. грубое слово, замечание; грубое поведение, поступок. *Допустить г. Вырвалась, слетела с языка г. Принять резкость за г. Раскаяться в собственной г. Говорить грубости. Только без грубостей!* (форма категоричного пресечения такого поведения). *Простите мою г. Простите меня за невольную г.!* (форма извинения) (Кузнецов, 2000: 230).

грубиян разг. Тот, кто грубит, допускает в своем поведении грубости (Кузнецов, 2000: 230).

хам 1. разг. Грубый, наглый человек. 2.. В России до 1917 г.: презрительное название крестьянина или человека, принадлежащего к низшим слоям общества. *Бранно. Хамово отродье. Хамово племя.* • По имени Хама, сына Ноя, проклятого, по Библейскому рассказу за непочтительность (Кузнецов, 2000: 230).

Грубиян в русском языковом сознании - это человек с постоянной чертой характера, грубость составляет его имманентную характеристику. А вот говорить грубости может и человек воспитанный, но однократно допустивший грубость (Жельвис, 2011: 275). И, добавим, допустивший грубость совершенно не намеренно, а (что очень часто проявляется в жизни) ввиду своего вспыльчивого характера или ситуативного эмоционального дисбаланса, вызванного внешними причинами.

Концептуализация грубости как невежливого, бесцеремонного отношения адресанта высказывания к адресату прослеживается в глагольном синонимическом ряде «*грубить, хамить, дерзить*».

Все три глагольные лексемы означают нарушение норм речевого поведения, требующих проявления уважения к личности другого человека, ведение разговора в форме, демонстрирующей неуважение к личности данного коммуниканта. Действия, обозначаемые этими лексемами, указывают на непочтительное поведение их субъектов (адресантов) по

отношению к адресатам, с очевидным нарушением принятых в обществе правил поведения по отношению к лицам с более высоким статусом.

Лексемы «грубить, хамить» часто подразумевают равенство социальных статусов коммуникантов в административной иерархии, в отличие от лексемы «дерзить», всегда подразумевающей статусное превосходство адресата непочтительных высказываний.

Если дерзость проявляется в ответах, то семантика глаголов «грубить», «хамить» подразумевает не только ответные действия. Быть грубым в русском сознании связано как с вербальной, так и невербальной коммуникацией и денотат глагола «хамить» подразумевает наибольшую степень выхода за рамки дозволенного.

Для глаголов «грубить» и «хамить» возрастная иерархия более значима, чем административная. Первая из них соблюдается всегда, тогда как вторая может и нарушаться. Внук грубит/хамит бабушке (грубость направлена в сторону взрослого человека с более высоким социальным статусом). В то же время, начальник может наругать или нахамить подчиненному (грубость направлена в сторону лица с более низким статусом). Данные синонимы применяются в двух случаях: статус адресата выше статуса субъекта грубого поведения, статусы адресата и субъекта грубого поведения равны.

Хам как субъект грубости всегда относится к адресату плохо, пренебрежительно. А вот грубиян может положительно относиться к объекту (адресату) грубости: «Он любил мать, хотя нередко грубил ей» (Гончаров И.А. Обломов).

Очень интересна интерпретирующая оценка действий субъекта указанных действий: в случае с глаголом «грубить» поведение субъекта интерпретируется как невежливое, в случае с глаголом «дерзить» - как непочтительное, в случае с глаголом «хамить» - как неуважительное и наглое (Крылова, 2003б: 246-247).

В русском языковом сознании хам и грубиян очень часто составляют некое единство. Эти две характеристики дополняют друг друга, создавая единый образ, иногда заменяя друг друга (Жельвис, 2011: 276). Но, если грубиян не обязательно сознательно грубит, поэтому его поведение может в ряде случаев быть оценено с определенным снисхождением, то хам всегда сознательно говорит оскорбления (Жельвис, 2011: 276).

Если обратиться к данным этимологических словарей русского языка, то станет ясно, что лексические единицы «грубый», «грубь», впоследствии ставшие обозначать в русском языке неучтивое, грубое поведение, появились в древнерусском языке раньше лексем, впоследствии приобретших прагматические значения вежливости.

При этом, если лексема «въжъливый» в древнерусском языке означала, повторим, «знающий, опытный», то лексемы «грубый» «грубь» в древнерусском языке имели значение «невежественный», «злой», «дурной», а лексема «грубость» употреблялась также исключительно для обозначения невежества. Лексема «грубиян» в значении «человек, говорящий грубости, невежа» зафиксировано в словарях русского языка только в 1771 г., а с 1704 г. известны лишь номинативная лексема «грубянство», и адъективаная лексема «грубянский» (Черных, 1999, т.1: 221).

Завершая наш анализ номинаций субъектов грубости в русской культуре, обратимся к лексемам «нахал» и «наглец».

Отметим, что данные лексемы обозначают по сути дела одно и то же коммуникативное поведение адресанта по отношению к адресату: отсутствие какого-либо уважения. Денотатом нахального и наглого поведения служит явное, никак нескрываемое нарушение правил личной скромности субъекта данного типа грубости:

наглец наглый человек, нахал (Кузнецов, 2000: 574) →

нахал разг. беззастенчивый, бесцеремонный человек (Кузнецов, 2000: 574).

Поведение как нахала, так и наглеца обязательно выходит за рамки поведения, разрешенного согласно его социальному статусу или его социальной роли. Нахал нарушает правила скромности, а наглец - не только правила скромности, но и уважительности.

Нахал не испытывает никакого смущения или робости, его отличает бойкость и непринужденность в поведении. Наглеца же характеризует отсутствие как смущения, так и чувства стыда и страха, подчеркивая его невозмутимость. Для наглеца часто свойственны, в отличие от нахала, специфические внешние проявления его грубого коммуникативного поведения в виде усмешки. Так как наглость предполагает бóльшую по сравнению с нахальством степень отклонения от нормы, то в русской культуре оценка наглецов значительно отрицательнее по сравнению с оценкой нахалов (Крылова 2003в: 557).

Итак, предпринятая нами первичная попытка провести анализ лексем, называющих различных субъектов невежливого и грубого вербального и невербального поведения в русской культуре показала, что для ее представителей характерна довольно четкая градация разной степени вербальной и невербальной грубости адресантов по отношению к адресатам и третьим лицам, хотя в определенных случаях можно говорить и о синонимичности ряда данных лексем.

Ссылки – References in Russian

Бурдые, 2007 – *Бурдые П.* Социальное пространство и генезис классов // Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт социальной психологии; СПб.: Алетейя, 2007. – С. 14–48.

Гольдин, 2009 – *Гольдин В.Е.* Этикет и речь. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2009. – 120 с.

Дементьев, 2013 – *Дементьев В.В.* Коммуникативные ценности русской культуры: категория персональности в лексике и прагматике. М.: ГлобалКом, 2013. – 336 с.

Жельвис, 2011 – *Жельвис В.И.* Грубость как регулятор коммуникативного поведения // Бытие в языке: сб. науч. трудов к 80-летию В.И. Жельвиса. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2011. – С. 258–289.

Жельвис, 2012 – *Жельвис В.И.* «Анти-Грайс»: постулаты грубости как регулятора коммуникативного поведения // Жанры речи: сб. науч. статей. Памяти К.Ф. Седова. – Саратов; Москва: «Лабиринт», 2012.– Вып. 8. – С.99–109.

Земская, 2005 – *Земская Е.А.* Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь. М.: Гнозис, 2005. – 688 с.

Карасик, 1992 – *Карасик В.И.* Язык социального статуса. – М.: Институт языкознания РАН; Волгогр. гос. пед. ин-т, 1992. – 330 с.

Крылова, 2003а – *Крылова Т.В.* ВЕЖЛИВО, УЧТИВО, ЛЮБЕЗНО, ГАЛАНТНО // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки Русской культуры», 2003а. – С. 78–82.

Крылова, 2003б – *Крылова Т.В.* ГРУБИТЬ, ХАМИТЬ, ДЕРЗИТЬ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки Русской культуры», 2003б. – С. 246–249.

Крылова, 2003в – *Крылова Т.В.* НАГЛЫЙ, НАХАЛЬНЫЙ, ДЕРЗКИЙ // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки Русской культуры», 2003в. – С. 556–559.

Крылова, 2003г – *Крылова Т.В.* ЦЕРЕМОННО, ЧОПОРНО // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., Под общ. рук. акад. Ю.Д. Апресяна. – М.: Школа «Языки Русской культуры», 2003г. – С. 1281–1283.

Кузнецов, 2000 – *Кузнецов С.А.* Большой толковый словарь русского языка. – СПб.: «Норинт», 2000.

Кузьменкова, 2005 – *Кузьменкова Ю.Б.* Английская и русская вежливость в контексте культурных традиций // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2005. № 2. – С. 7–17.

Ларина, 2003а – *Ларина Т.В.* Категория вежливости в английской и русской коммуникативных культурах. М.: Изд-во РУДН, 2003а. – 316 с.

Ларина, 2003б – *Ларина Т.В.* Категория «вежливость» как отражение социально-культурных отношений (на примере английской и русской коммуникативных культур) // Вестник МГУ. Сер. 19. Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2003б. № 4. – С. 137–147.

Ларина, 2009 – *Ларина Т.В.* Категория вежливости и стиль коммуникации: Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций. – М.: Языки русской культуры, 2009. – 512 с.

Леонтьев, 2012 – *Леонтьев В.В.* Дискурсивный поворот в теории лингвистической вежливости: к образованию теории лингвистической невежливости // Коммуникативные аспекты современной лингвистики и лингводидактики: материалы Междунар. науч. конф., г. Волгоград, 8 февраля 2012 г. / сост. А.В. Простов, Н.Н. Остринская [и др.]. – Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2012. – С.222–228.

Леонтьев, 2013а – *Леонтьев В.В.* О концептуализации грубости (невежливости) в русской и английской культурах // Человек в коммуникации: от категоризации эмоций к эмотивной лингвистике: Сб. науч. трудов, посвященных 75-летию профессора В.И. Шаховского. – Волгоград: Волгоградское научное издательство, 2013а. – С. 54–65.

Леонтьев, 2013б – *Леонтьев В.В.* Понятия невежливости и грубости в современной лингвистике // Экология языка и коммуникативная практика. – 2013б. – № 1. – С. 131–141.

Леонтьев, 2014 – *Леонтьев В.В.* Агональная вербальная грубость в речевом поведении футбольных болельщиков // Экология языка и коммуникативная практика. – 2014. – № 2. – С. 255–268.

Леонтьев, 2016 – *Леонтьев В.В.* Грубость грубости рознь: к 20-летию исследования речевой невежливости // Вестник ВолГУ. Сер.2, Языкознание. – 2016. – т.15. – № 4. – С. 26–39.

Лотман, Успенский, 1994 – *Лотман Ю.М., Успенский Б.А.* Роль дуальных моделей в динамике русской культуры (до конца XVIII века) // Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: «Гнозис», 1994. – Т.1. – С.219–254.

Ратмайр, 2013 – *Ратмайр Р.* Русская речь и рынок. Традиции и инновации в деловом и повседневном общении. – М.: Языки славянской культуры, 2013. – 456 с.

Успенский, 1994 – *Успенский Б.А.* Предисловие // Успенский Б.А. Избранные труды. Семиотика истории. Семиотика культуры. – М.: «Гнозис», 1994. – Т.1. – С.5-8.

Философский словарь on-line. Access mode: URL: http://gufo.me/content_fil/vezhlivost-16596.html (ФС).

Шаховский, 1987. – *Шаховский В.И.* Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – 192 с.

Шаховский, 2007 – *Шаховский В.И.* Лингвистическая теория эмоций: монография. – Волгоград: «Перемена», 2007. – 420 с.

Шаховский, 2008 – *Шаховский В.И.* Энергетическая мощь эмоций и дискурсивные нормы // Вопросы психолингвистики. – 2008. – № 7. – С. 39–43.

Шаховский, 2009 – *Шаховский В.И.* Дискурсивность эмоций как коммуникативная универсалия // Язык и эмоции: номинативные и коммуникативные аспекты: сб. науч. тр. к юбилею В.И. Шаховского / отв. ред. С.В. Ионова. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2009. – С. 149–160.

Шаховский, 2012 – *Шаховский В.И.* Теоретические основы эмотивной лингвоэкологии // Россия лингвистическая: научные направления и школы

Волгограда: кол. монография. – Волгоград: Волгоградское научное изд-во, 2012. – С. 60–69.

Черных, 1999 – Черных П.Я. Историко-этимологический словарь современного русского языка: В 2-х т. – 3- изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1999.

References

Austin, J.P.M. (1990). Politeness revisited - the dark side // *New Zealand Ways of Speaking English* (eds. Bell A., Holmes J.). Clevedon, Philadelphia, Multilingual Matters, pp. 277–293.

Bayraktaroğlu, A., Sifianou, M. (2012). The iron fist in a velvet glove: How politeness can contribute to impoliteness // *Journal of Politeness Research*, Vol. 8, pp. 143-160.

Bousfield, D. (2008). *Impoliteness in Interaction*. – Amsterdam, Philadelphia, John Benjamins Publishing Company, 284 p.

Brown, P., Levinson, S. (1987). *Politeness: Some Universals in Language Usage*, 2nd ed. Cambridge, CUP, 358 p.

Chernykh P.Ya. (1999). *The Historico-Etymological Dictionary of the Russian Language*: in 2 Vol. 3^d Stereotypical Ed., M., Russian Language (in Russian).

Culpeper, J. (2010). Conventionalized impoliteness formulae // *Journal of Pragmatics*, Vol. 42, pp. 3232–3245.

Culpeper, J. (2005). Impoliteness and the entertainment in the television quiz show // *Journal of Politeness Research*, Vol.1, pp. 35–72.

Culpeper, J. (2011). Politeness and impoliteness // *Pragmatics of Society* (eds. Andersen G., Aijmer K.), Berlin, N.Y., De Gruyter Mouton, pp. 393–439.

Culpeper, J. (1996). Towards anatomy of impoliteness // *Journal of Pragmatics*, Vol. 25, pp. 349–367.

Culpeper, J., Bousfield, D., Wichmann, A. (2003). Impoliteness revisited: With special reference to dynamic and prosodic aspects // *Journal of Pragmatics*, Vol. 35, pp. 1545–1579.

Dementyev, V.V. (2013). *The Communicative Values of Russian Culture: The Category of Personality in Lexics and Pragmatics*, M., GlobalCom Publishing House, 336 p. (in Russian).

Dynel, M. (2012). Setting our House in order // *Journal of Politeness Research*, Vol. 8, pp. 161–194.

Eelen, G. (2014). *A Critique of Politeness Theories*. L. & N.Y., Routledge, 280 p.

Gol'din, V.E. (1990). *Etiket and Speech*, M., The Book House LIBROKOM, 120 p. (in Russian).

Haugh, M., Bousfield, D. (2012). Mock impoliteness, jocular mockery and jocular abuse in Australian and British English // *Journal of Pragmatics*, Vol. 44, pp. 1099-1114.

Kádár, D.Z., Haugh, M. 2013 *Understanding Politeness*. Cambridge, CUP. 296 p.

Karasik, V.I. (1992). *The Language of the Social Status*, M.: The Institute of Linguistics of Russian Academy of Sciences, Volgograd State Pedagogical University, 330 p. (in Russian).

Krylova, T.V. (2003a). POLITELY, COURTESLY, GALLANTLY, KINDLY // *The New Explanatory Dictionary of Russian Language Synonyms*, 2nd ed., M., The School “Languages of Russian Culture”, pp. 78–82 (in Russian).

Krylova, T.V. (2003b). TO BE RUDE, TO BEHAVE LIKE A BOOR, TO BE IMPETENENT // *The New Explanatory Dictionary of Russian Language Synonyms*, 2nd ed., M., The School “Languages of Russian Culture”, pp. 246–249 (in Russian).

Krylova, T.V. (2003c). IMPUDENT, INSOLENT, BRASH // *The New Explanatory Dictionary of Russian Language Synonyms*, 2nd ed., M., The School “Languages of Russian Culture”, pp. 556–559 (in Russian).

Krylova, T.V. (2003d). CEREMONIOUSLY, IN A PRUDISH WAY // *The New Explanatory Dictionary of Russian Language Synonyms*, 2nd ed., M., The School “Languages of Russian Culture”, pp. 1281–1283 (in Russian).

Kuzmenkova, Yu. B. (2005). English and Russian politeness in the context of cultural traditions // *Vestnik of Moscow State University*, Ser. Linguistics and Intercultural Communication, No. 2, pp. 7–17 (in Russian).

Kuznetsov S.A. (2000). *The Big Explanatory Dictionary of the Russian Language*, Saint Peterburg: Norint.

Lakoff, R.T. (1989). The limits of politeness: Therapeutic and courtroom discourses // *Multilingua*, Vol. 8, № 2/3, pp. 101–129.

Larina, T.V. (2003a). *The Category of Politeness in English and Russian Linguacultures*. M.: Publishing House of Russian University of Friendship of People, 2003, 316 p. (in Russian).

Larina, T.V. (2003b). Category “Politeness” as the reflection of socio-cultural relations // *Vestnik of Moscow State University*, Ser. Linguistics and Intercultural Communication, No. 4, pp. 137–147 (in Russian).

Larina, T.V. (2009). *The Category of Politeness and the Style of Communication: The Comparison of Russian and English Lingua-Cultural Traditions*, M., The School “Languages of Russian Culture”. 512 p. (in Russian).

Leontyev, V.V. (2012). Discursive turn in the theory of linguistic politeness: To the formation of the theory of linguistic impoliteness // *Communicative Aspects of Contemporary Linguistics and Lingua-didactics*, Volgograd, Volgograd State University Publ. House, pp. 222–228 (in Russian).

Leontyev, V.V. (2013a). On conceptualization of rudeness (impoliteness) in Russian and English cultures // *A Human Being in Communication: From Categorization of Emotions to Emotive Linguistics: Collection of Scientific Works Dedicated to the 75th Anniversary of Prof. V.I. Shakovsky*, Volgograd, Volgograd Scientific Publ. House, pp. 54–65 (in Russian).

Leontyev, V.V. (2013b). Notions of politeness and impoliteness in contemporary linguistics // *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*. vol. 1, pp. 131–141 (in Russian).

Leontyev, V.V. (2014). Agonal verbal rudeness in speech behavior of football fans // *Ehkologiya yazyka i kommunikativnaya praktika*, vol. 2, pp. 255–268 (in Russian).

Leontyev, V.V. (2016). Rudeness differs: to the 20th anniversary of linguistic impoliteness research // *Scientific Journal of Volgograd State University*, Ser. Linguistics, T. 15, No. 4, pp. 26–39 (in Russian).

Lotman Yu.M., Uspenskiy B.A. (1994). The role of dual models in the dynamics of the Russian culture (up to the end of the 18th century) // Uspenskiy B.A. *The Selected Works. Semiotics of History. Semiotics of Culture*, M., Gnozis, pp. 219–254 (in Russian).

Mills, S., Kádár, D.-Z. Politeness and culture // *Politeness in East Asia* (eds. Kádár D.-Z. & Mills S.), Cambridge: CUP, 2011, pp. 21–44.

Philosophic Dictionary on-line // Access mode: URL: http://gufo.me/content_fil/vezhlivost-16596.html

Ratmayer, R. (2013). *The Russian Speech and Market: Traditions and Innovations in Business and Everyday Communication*, M.: The Languages of Russian Culture, 456 p. (in Russian).

Shakhovky, V.I. (1987). *The Categorization of Emotions in Lexico-Semantic System of the Language*, Voronezh, Voronezh State University Publ. House. 192 p. (in Russian).

Shakhovky, V.I. (2007). *The Linguistic Theory of Emotions*, Volgograd: “Peremena” Publishing House. 420 p. (in Russian).

Shakhovky, V.I. (2008). The energetic power of emotions and the discursive norms // *Voprosy Psycholinguistiki*, No. 7 pp. 39-43 (in Russian).

Shakhovky, V.I. (2009). The discursivity of emotions as the communicative universality // *Language and Emotions: Nominative and Communicative Aspects*: the collection of the scientific works to the jubilee by

Prof. V.I. Shakhovsky/ ed.-in-chief Ionova S.V., Volgograd: Volgograd Scientific Publ. House, pp. 149–160 (in Russian).

Shakhovky, V.I. (2012). The theoretical foundations of the emotive linguacology // *The Linguistic Russia: Scientific Directions and Schools of Volgograd*: collective monograph, Volgograd: Volgograd Scientific Publ. House, pp. 60–69 (in Russian).

Silverstein, M. (2003). Indexical order and the dialectics of sociolinguistic life // *Language and Communication*, vol. 23, pp. 193–229.

Terkourafi, M. (2008). Toward a unified theory of politeness, impoliteness and rudeness // *Impoliteness in Language. Studies on its Interplay with Power in Theory and Practice* (eds. Bousfield D., Locher M.), Berlin, N.Y.: Mouton de Gruyter, pp. 45–74.

Uspenskiy, B.A. (1994). Preface // Uspenskiy B.A. *The Selected Works. Semiotics of History. Semiotics of Culture*, M., Gnozis, pp. 5–8 (in Russian).

Wehmeier S. (ed.). (2000). *Oxford Advanced Learners Dictionary of Current English*. 6th Ed., Oxford, OUP, 2000.

Zemskaya, E.A. (2005). *The Language as an Activity: A morpheme, a word, a speech action*, M., Gnozis, 688 p. (in Russian).

Zhelvis, V.I. (2011). Rudeness as a regulator of communicative behavior // *The Being in Language*: collection of papers. Yaroslavl': Yaroslavl' State University Publ., pp. 258–289. (in Russian).

Zhelvis, V.I. (2012). “Anty-Grice”: The postulates of rudeness as a regulator of communicative behavior // *Speech genres*: collection of papers, Saratov, M.: Labirint Publ. House, 2012, vol.8, pp. 99–109. (in Russian).